

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА И ФРАНЦУЗСКИЙ КЛАСС ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА (первая половина XIX в.)

Вклад императрицы Марии Федоровны, управлявшей воспитательными домами с 1797 по 1828 г., в развитие системы этих учреждений был столь значительным, что одно перечисление ее деяний, думается, могло бы занять весь объем данной статьи. Ограничимся только одним ее добрым делом, которое является особенно важным для истории Герценовского университета. Вдовствующая императрица стала организатором женского педагогического образования, открыв в каждом из воспитательных домов так называемые французские классы. Эти подразделения пережили свою создательницу, они проработали почти 30 лет и после смерти Марии Федоровны продолжали действовать на основе заложенных ею принципов. Отправной точкой для их создания стала разделяемая императрицей идея И. И. Бецкого: воспитание и образование детей по способностям, независимо от происхождения.

В 1809 г. Мария Федоровна объявила опекунским советам: «Имея непрестанно в виду лучшее устройство будущей судьбы воспитанниц и изыскание средств соединить их благосостояние с пользою общею, я, между прочим, обратила внимание свое на недостаток, ощущаемый внутри государства, особливо родителями посредственного состояния, в хороших наставницах для воспитания девиц, и вознамерилась по возможности устранить сей недостаток или сделать оный менее чувствительным посредством приготовления к сему званию нарочитого числа воспитанниц обоих домов». Для этого императрица предложила «способнейшим из них дать лучшее в отношении к наукам и художествам воспитание, нежели теперь получают, и снабдить их познаниями и талантами, почитаемыми ныне необходимо нужными для благовоспитанной девицы»¹. Мария Федоровна понимала, что новое постановление потребует значительных издержек, но выразила уверенность, что его внедрение откроет воспитанницам «путь к устройению будущего их счастья».

Итак, планировалось, во-первых, наилучшим образом обеспечить участь девочек-сирот; во-вторых, удовлетворить потребность провинциального дворянства в педагогах для своих дочерей и малолетних сыновей.

Обучение в открытых по указу императрицы французских классах продолжалось шесть лет и в свою очередь делилось на два класса. В каждый из них полагалось принимать 25 воспитанниц 11–12 лет. Их обучали «закону веры», арифметике, русскому, французскому и немецкому языкам, чистописанию и рисованию, истории, географии (позднее добавили логику, риторику, педагогику и дидактику), музыке, танцам и «всяким женским рукоделиям, разумея тут и делание платьев, уборов, цветов и т. п.»², которые могли понадобиться для воспитания дворянок. По окончании теоретического курса воспитанницы проходили педагогическую практику в младших классах дома, а также в Смольном институте и училище ордена Св. Екатерины. Завершать обучение должен «энциклопедический курс», для преподавания которого первым «воспитанницам, приуготовленным в наставницы», императрица в 1816 г. определила «иностранца Раупаха», будущего известного профессора Петербургского университета³. Выпускницы получали аттестат со званием кандидаток, поэтому женские классы часто называли классами кандидаток. Аттестат сообщал, какие науки изучала девушка и чему она сама может обучать детей.

Объявление о выпуске помещали в газетах, приглашая дворян, нуждающихся в учителях и гувернантках для своих детей, обращаться в воспитательный дом. Постепенно известие об учительницах-кандидатках разлетелось по стране, и дворяне охотно принимали их в свои дома. Ни одна выпускница не оставалась без места. Помещики приезжали за учительницами сами, выдавали уверенность на оформление документов своим родственникам и знакомым. Желающий нанять

кандидатку (или его доверенное лицо) приходил в дом и останавливал свой выбор на определенной девушке. В документах не сказано, каким образом выбирали учительницу — по «анкетным данным» или на основе личного знакомства.

Под наблюдением Марии Федоровны в воспитательных домах разработали печатные формуляры договора и кондиций. Их подписывали глава семьи или его жена, а также учительница под контролем дома. Жалованье зависело от одного из трех разрядов, который она получала по итогам экзаменов. Большое внимание педагоги уделяли поведению воспитанниц. К примеру, в 1835 г. инспектор классов, анализируя успехи воспитанниц, пояснял, что «воспитанница Акулина Матвеева, хотя по успехам в науках принадлежала бы к первому разряду, но как прежде была дурной нравственности, а потом исправилась, то посему для примера другим помещена во второй разряд. Воспитанницу Авдотью Алексееву по успехам предположено было назначить в первый разряд, но как она была дурной нравственности, то и предполагается ныне оставить ее у главной надзирательницы для совершенного исправления»⁴. В чем проявлялась «дурная нравственность» питомиц, источники не поясняют, скорее всего, имелось в виду непослушание.

Соглашение о приеме на службу кандидатки полагалось заключать на шесть лет, оно определяло обязанности сторон. В договоре указывались условия содержания. Учительница должна была получать «готовый стол вместе с детьми, ее смотрению вверенными, чай и прислугу для мытья белья и пр.», а также жалованье, выплачиваемое по третям года и единовременное награждение за 6 лет службы. Размер жалованья строго регламентирован не был. С учетом единовременного награждения рекомендовалось платить кандидатке первого разряда 1000 руб. асс. в год, второго разряда — 800, а третьего — 600 руб. асс. в год⁵.

На практике заработок зависел от числа обучаемых детей, определялся соглашением всех трех сторон и мог отличаться от рекомендованного в ту или иную сторону. Любопытно, что наниматели далеко не всегда стремились выбрать лучших по успехам и соответственно самых высокооплачиваемых учительниц. У иных, вероятно, денег хватало только на оплату труда выпускницы третьего разряда, а некоторые из родителей, по-видимому, и не имели намерения дать своим детям, особенно дочерям, серьезное образование. Девушек отправляли на работу в провинцию, поэтому в классы старались не принимать воспитанниц, которые имели кого-то из родителей или родственников, проживавших в столице. Переписка с петербургскими кандидатками, сохранившаяся в фондах РГИА, дает представление об их судьбе. К настоящему времени удалось собрать сведения о 213 кандидатках 15 выпусков (с 1817 по 1842 г., причем выпуск 1839 г. источники называют двенадцатым по счету).

Подписав договор с кандидаткой, наниматель должен был за свой счет доставить ее до места назначения. При тогдашних средствах транспорта это было непростым делом. Изредка случалось, что юная учительница отправлялась из столицы в провинцию в экипаже состоятельного главы семьи в компании его семейства. Коллежский советник П. Медведев, проживавший в Новгороде и владевший поместьем под Вышним Волочком, в 1829 г. подписал кондиции с кандидаткой Пелагеей Сергеевой. 4 июня того же года он сообщал опекунам, что отправил за учительницей из Новгорода «бричку на трех лошадей», в которой находятся «женщина Авдотья Антонова и дворовый человек повар Капитон Абрамов с вольнонаемным ямщиком, а далее девушка с сопровождающей должна была следовать «на почтовых». Кроме того, он просил передать девушке 100 руб. на дорожные расходы⁶.

Молодая наставница была обязана учить детей женского пола (ей разрешалось работать с мальчиками «не далее 10-летнего их возраста») «только тех особ, в дом которых она определена, а также и других, вместе с детьми их и на собственном иждивении воспитывающихся». В случае приглашения детей посторонних лиц хозяин должен был заключать с кандидаткой особое соглашение. Сверх обучения детей языкам, наукам и искусствам, наставнице полагалось «быть всегдашнею спутницею их, собеседницею в разговорах и надзирательницею их поведения, за которые должна была отвечать пред их родителями», то есть выполнять обязанности гувернантки.

Кандидатку воспитательного дома нельзя было уволить без уведомления опекунского совета о причинах увольнения. По окончании шестилетнего срока службы учительницы глава семьи обеспечивал ее заверенным аттестатом или свидетельством «в том, как она исправляла в доме их должность по сему званию», а саму наставницу ему полагалось препроводить в ближайший губернский город «для удобнейшего приискания себе другого места»⁷.

По постановлению Марии Федоровны кандидатки получали от дома единовременное награждение в размере 250 руб. асс. «на экипировку», а 300 руб. перечислялись на их счет в сохранную казну⁸. Еще три года они находились под «особенным покровительством» дома, должны были сообщать ему о своих перемещениях и могли обращаться за помощью к его администрации.

По окончании обязательного срока службы выпускницы французских классов воспитательного дома приобретали право на получение капитала с набевшими за это время процентами. Для этого требовалось строгое выполнение трех основных условий.

Во-первых, учительница должна была прослужить в одном или нескольких частных домах в общей сложности не менее шести лет. Награждение за работу в течение меньшего срока по правилам, утвержденным Марией Федоровной, не выдавалось. В 1820 г. опекуны сообщили императрице о том, что наставница выпуска 1817 г. Катерина Иванова выступила в брак с «купецким сыном архангельского купца Ксанфом Александровым», не пробыв при детях гражданского губернатора Перфильева шести лет. Опекуны спрашивали, как поступить с ее капиталом. «Само собой разумеется, что по силе узаконения она лишается внесенного на ее имя капитала»⁹, — ответила Мария Федоровна.

Удалось обнаружить единственное исключение из этого правила. В 1836 г. в опекунский совет поступило письмо от содержательницы пансиона в местечке Пипенберг под Могилевом С. Савичевой. Она сообщала, что служившая в пансионе Елизавета Тархова желает выйти замуж за лекаря военного госпиталя Ивана Шереметевского [кстати, судя по фамилии, образованной от имени благотворителя, бывшего питомца Московского дома — Т. Ф.]. Савичева просила разрешения на этот брак и добавляла, что наставница прослужила в учебном заведении почти пять лет и, по ее мнению, заслужила награды за 6-летнюю службу, так как в пансионе нагрузка значительно выше, чем в частном доме. Совет ходатайствовал о выдаче Е. Тарховой капитала перед императрицей Александрой Федоровной, считавшейся покровительницей воспитательных домов после кончины свекрови, и получил ее согласие¹⁰.

Некоторые наставницы продолжали службу в частных домах и после замужества, пополняя семейный бюджет и рассчитывая на награду из Петербурга. В 1835 г. казанский купец Крупенников сообщил совету, что кандидатка Екатерина Евдокимова прожила в его доме пять лет, затем вышла замуж за чиновника и продолжала заниматься с детьми купца до окончания шестилетнего срока¹¹.

Во-вторых, узаконенные шесть лет им полагалось отработать в провинции. В Петербург выпускниц просто не распределяли. Кандидатки хорошо знали правила, и в случае, если семейство, в котором они работали, переезжало в столицу, старались перебраться в другой дом. В Петербург девушек назначали в виде исключения, с разрешения императрицы к наиболее уважаемым персонам, служившим при дворе. Выпускница 1823 г. Анна Шинковская 4 года прослужила в доме смоленского вице-губернатора, а затем была доставлена в Петербург. Назначений в провинцию в это время не оказалось, зато поступило прошение от столичных жителей — графа Ламберта и его супруги. В феврале 1828 г. Мария Федоровна согласилась на определение кандидатки «только из уважения к гр. Ламберту, потому, что он не имеет здесь постоянного проживания»¹². В 1835 г. кандидатка Доротея Мейер поступила в наставницы детей придворного лейб-медика Крейтона, а в 1838 г. съездила с его семейством за границу¹³.

Служба в столице без высочайшего разрешения «в зачет» не принималась. Пансионерка императрицы Анна Стражева (выпуск 1829 г.) проработала в имении одного из помещиков полтора года, а затем по прошению матери, сообщившей о болезнях дочери, была отпущена к ней в Петербург. В столице она продолжала работу в пансионе своей сестры П. Стражевой и в 1943 г. обратилась в совет за наградой. Ей отказали, так как она «в губерниях шесть лет не прослужила». В 1852 г. А. Стражева, наконец, представила свидетельство о работе домашней учительницей в провинции и удостоилась награды¹⁴.

В-третьих, как уже говорилось, учительницы обязаны были представить свидетельства от всех своих нанимателей, заверенные печатью того или иного государственного учреждения. Капитал в 300 руб. с процентами ни в одном выпуске не получили все кандидатки. Можно предположить, что некоторые из них как раз и не смогли получить требуемые аттестаты. Другие же, вероятно, просто забыли о вознаграждении или даже не знали о нем. Случалось, просьбы о высылке капитала запаздывали на годы и десятилетия.

Обычно кандидатки воспитательного дома учили и воспитывали нескольких детей, не только девочек, но и мальчиков, братьев и сестер, или родственников в семьях, проживавших в сельских усадьбах, в уездных или губернских городах по всей России — от Зауралья до Прибалтийских губерний, от Вологды до Одессы. Иногда они, как уже отмечалось, служили в частных пансионах. О том, как складывались их отношения с работодателями, известно мало. О благополучном завершении работы в том или ином доме говорят скупые стандартные строки аттестатов: служила «с отличной ревностью, вела себя скромно и добропорядочно» или: занималась с детьми «с особенным усердием и к совершенному удовольствию» нанимателя.

Впрочем, некоторые деловые письма имеют и эмоциональную окраску. Так, полковник К. Б. Тизенгаузен в марте 1818 г., менее чем через год после подписания контракта с петербургским

домом, писал императрице, что он имел «счастье... получить воспитанницу для наставления моих детей. Сия воспитанница совершенно исполняет свои обязанности и совершенно отвечает цели благотельного заведения». Однако полковник оказался в «несчастных обстоятельствах» и потому «со слезами горести» принужден был отказаться от наставницы Катерины Васильевой, которую называл «второй матерью своих детей»¹⁵. Другая выпускница 1817 г. Ксения Семенова в июле 1822 г. писала в опекунский совет, что она воспитывала четырех мальчиков в возрасте до 10 лет, которых родители распределили «по учебным местам», и теперь ей приходится «расставаться с душевным и сердечным прискорбием с почтеннейшим домом г. Пейкера, где я с лишком пять лет провела столь счастливо и весело»¹⁶. Устройство бывшей воспитанницы в следующий дом прошло под контролем Марии Федоровны.

Определенная искренность и горечь утраты чувствуется и в письме, полученном в 1842 г. из Саратова. Здесь, в семье коллежской секретарши О. В. Ступиной с 1837 г. работала кандидатка Елизавета Варварина. Весной 1842 г. она заболела чахоткой и вскоре умерла. Хозяйка сообщила, что, любя Варварину, как дочь, она сделала для нее все возможное. Больную поместили в светлой комнате, домашний медик навещал ее два-три раза в день, при ней находилась «неотлучная сиделка». О. В. Ступина сообщила опекунам о последней воле покойной, без напоминаний переслала в столицу оставшиеся после нее деньги и вещи¹⁷. Опись имущества другой скончавшейся в 1830 г. кандидатки — Дарьи Сердобинской — показывает, что некоторые учительницы (надо думать, их было большинство) серьезно относились к своим педагогическим обязанностям. После Сердобинской осталось много учебных книг, подобранных для нее инспектором классов воспитательного дома, включая «Граматику» Н. И. Греча¹⁸.

Известные нам конфликты чаще всего возникали из-за денег: отдельные работодатели не выплачивали оговоренные в контракте суммы. В этом случае вступала в силу его статья о покровительстве гувернантке со стороны воспитательного дома. Опекунский совет обращался за помощью к соответствующему губернатору, дело передавалось в суд, нарушителю приходилось платить. Пример того, как следует поступать в подобном случае, также показала Мария Федоровна. В 1818 г. в воспитательном доме узнали, что имение супруги действительного статского советника К. А. Ризенкамф в Волынской губернии взято «в казенный секвестр». Помещица объявила кандидатке Мавре Никитиной «о невозможности даже содержать ее в своем доме» и отказалась выплатить ей жалование за прошлый год. Копию обязательств генеральши опекуны переслали в Министерство полиции, попросив его чиновников оказать М. Никитиной помощь и доставить ее в столицу за счет нанимательницы. Однако вскоре они получили очередную жалобу наставницы. Она сообщила, что по-прежнему живет у Ризенкамф, «за каждую безделицу» выслушивает попреки и «поносительные слова». Получив жалобы, императрица потребовала, чтобы совет связался с Волынским губернским правлением, узнал о состоянии и благонадежности помещика и взыскал с него долги¹⁹.

Однажды кандидатка нарушила договор и перешла в другой дом на более высокое жалование, за что была лишена денежной награды.

Девушкам, как уже отмечалось, редко удавалось проработать все шесть лет в одном семействе. Дети вырастали, дворяне все чаще определяли их в учебные заведения, а иногда разорялись и не могли выполнять условия договора. Обычно они старались сами пристроить девушку к родственникам, друзьям или знакомым, в противном случае им полагалось за свой счет отвезти ее в Петербург. Случалось, кандидатки переходили на работу и в купеческие семьи, но только один купец выписал гувернантку в свой дом по первичному распределению. Это был уже упоминавшийся казанский купец Крупенников²⁰, известный в городе предприниматель и благотворитель, имя которого уже в 1829 г., скорее всего, было известно подписывавшей бумагу императрице Александре Федоровне. Некоторые девушки выходили замуж за купцов, гражданских чиновников, обер-офицеров, врачей и даже родовитых дворян. Так, в 1817 г. были отправлены на службу 13 учительниц, сохранились сведения о замужестве 5 из них. Из 18 кандидаток, выпущенных в 1835 г., судя по архивным материалам, вышли замуж только двое. Большая же часть бывших воспитанниц продолжала педагогическую деятельность. Безродные выпускницы французских классов воспитательных домов растили дворянских детей, давали им образование и внесли весьма заметную ноту в формирование дворянской культуры первой половины XIX в. Образование изменило жизнь самих питомиц, помогло некоторым из них значительно повысить свой социальный статус. К примеру, выпускница 1835 г. Елизавета Петрова вышла замуж за отставного ротмистра Слепнева, а ее соученица Елена Петрова стала женой штабс-капитана Екатеринославского гренадерского полка И. Б. Стыпалковского²¹.

В 1837 г. Николай I провел реформу воспитательных домов. Всех детей неизвестных родителей стали отправлять на воспитание в деревню, однако традиции женского педагогического образования сохранились. На базе французских классов были созданы сиротские институты для детей обер-офицеров. Опыт работы с девочками-сиротами позволил Мариинскому ведомству в конце

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

1850-х гг. выступить инициатором создания женских гимназий для приходящих детей. Педагогическое образование получило дальнейшее развитие в работе педагогических классов женских гимназий и женских педагогических курсов, что позволило в 1903 г. открыть в Петербурге женский педагогический институт — первое высшее педагогическое учебное заведение университетского типа в России. На базе этого института позднее вырос ЛГПИ им. А. И. Герцена, ныне — Герценовский университет.

Примечания

1. РГИА. Ф. 758. Оп. 21. Д. 290. Л. 4.
2. Там же. Л. 4об.
3. Там же. Л. 49.
4. Там же. Оп. 20. Д. 467. Л. 22.
5. Там же. Оп. 21. Д. 290. Л. 77.
6. Там же. Оп. 20. Д. 393. Л. 65.
7. Там же. Д. 393. Л. 16–16об.
8. Там же. Оп. 21. Д. 290. Л. 48; Монографии учреждений ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 224.
9. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 298. Л. 107–107об.
10. Там же. Д. 393. Л. 299–303.
11. Там же. Л. 292 об.
12. Там же. Д. 374. Л. 119.
13. Там же. Д. 467. Л. 128 а.
14. Там же. Д. 393. Л. 250–250об., 353, 371–376.
15. Там же. Д. 298. Л. 80–81.
16. Там же. Л. 109.
17. Там же. Д. 492. Л. 134–139.
18. Там же.
19. Там же. Д. 298. Л. 83–85, 89–98.
20. Там же. Д. 393. Л. 1.
21. Там же. Д. 298. Л. 101, 107, 113, 131, 145; Д. 467. Л. 116, 180.